

Суворова Л. Н. Нэповская многоукладная экономика: между государством и рынком. М., 2013.

Фельдман М. А. «Генеральный план развития Уральской области: на 1926–1941 гг.»: между мифом и реальностью // *Эпоха социалистической реконструкции: идеи, мифы и программы социальных преобразований*: Сб. науч. тр. / под ред. О. В. Горбачева, Л. Н. Мазур. Екатеринбург, 2017. С. 322–332.

Хлевнюк О. В. Сталин. Жизнь одного вождя: биография. М., 2015.

Черемисинов Г. А. Использование резервов экстенсивного роста государственного предпринимательства в СССР (1926/27–1928/29) // *Экономическая история*. Ежегодник. 2006. М., 2006. С. 323–365.

Эрлих. А. Дискуссия об индустриализации в СССР. 1924–1928. М., 2010.

Ясный Н. Советские экономисты 1920-х годов. Долг памяти. М., 2012.

УДК 94(47).084.6

И. В. Шильникова

«ДАВАЙТЕ ДЕНЕГ, А ТО РАБОТАТЬ НЕ БУДЕМ»: К ВОПРОСУ О СТИМУЛИРУЮЩЕЙ РОЛИ ЗАРПЛАТЫ НА СОВЕТСКИХ ПРОМЫШЛЕННЫХ ПРЕДПРИЯТИЯХ В ГОДЫ ПЕРВЫХ ПЯТИЛЕТОК¹

В связи с переходом в конце 1920-х гг. к политике форсированной индустриализации советское руководство ставило задачу максимально эффективного использования трудовых ресурсов. Дифференциация заработной платы, положенная в основу тарифной реформы начала 1930-х гг., должна была способствовать снижению текучести кадров и их концентрации в приоритетных для государства отраслях, росту производительности труда и уменьшению доли бракованной продукции. Однако, эффективность проводившихся государством мероприятий по стимулированию труда промышленных рабочих снижалась в связи с такими явлениями как нарушение сроков выплаты заработка, многочисленные вычеты, проводившиеся без согласия рабочих, и обчеты. Эти «ненормальности» в годы первых пятилеток имели достаточно распространенный и систематический характер, вызывая недовольство рабочих, принимавшее зачастую форму открытого конфликта. В статье на основе архивных источников анализиру-

¹ Исследование выполнено при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований, грант № 17-06-00702 «Механизмы разрешения трудовых споров в промышленности Советской России: от нэпа к индустриализации».

ются причины и последствия упомянутых выше нарушений в сфере оплаты труда, а также эффективность методов решения этих проблем со стороны хозяйственных органов, профсоюзов, органов суда и прокуратуры.

Ключевые слова: форсированная индустриализация, пятилетки, стимулирование труда, заработная плата, профсоюзы, трудовые конфликты.

В публикациях, посвященных различным аспектам трудовых отношений в советской промышленности в годы первых пятилеток [Журавлев, Мухин; Маркевич, Соколов; Постников, Фельдман; Илюхов], приоритетное внимание уделяется вопросам тарификации, а о таких проблемах как задержка выдачи заработной платы, централизованные вычеты и обчеты рабочих зачастую даже не упоминается. Исключением является монография А. А. Ильехова, где в одном из разделов помещен сюжет о задолженностях по зарплате. Между тем, указанные проблемы в сфере вознаграждения за труд заслуживают более пристального внимания, поскольку они приводили к росту недовольства в рабочей среде, нарушению нормального хода производственного процесса, росту текучести рабочей силы, падению производительности труда и уровня трудовой дисциплины. Данная статья направлена на выявление причин, последствий и методов преодоления упомянутых «ненормальностей» в сфере оплаты труда промышленных рабочих в конце 1920-х – 1930-е гг. Источниковой базой исследования стали документы фондов ВЦСПС и ЦК отраслевых профсоюзов Государственного архива Российской Федерации (ГА РФ), а также опубликованные информационные обзоры и сводки ОГПУ [«Совершенно секретно»], в которых большое внимание уделялось характеристике настроений в рабочей среде, включая причины недовольства, и происходивших трудовых конфликтов.

В конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. систематические задержки в выдаче заработной платы фиксировались во всех регионах страны и всех отраслях, включая приоритетные для государства военное производство [ГА РФ, ф. 5451, оп. 16, д. 434, л. 14] и предприятия тяжелой промышленности, в том числе и «великие стройки коммунизма». Например, размер задолженности рабочим Магнитки в 1932–1934 гг. систематически превышал 1 млн руб. [ГА РФ, ф. 5451, оп. 13, д. 214, л. 32, 34]. В документах содержатся тысячи сообщений о нарушении сроков выплаты зарплаты на конкретных предприятиях. В ряде случаев рабочим могли платить длительное время по 30–50 % от положенных сумм месячного заработка, в других – не платили вообще на протяжении нескольких

месяцев всему штату рабочих. Наиболее неблагоприятными регионами в этом вопросе являлись Украинская ССР, Дальневосточный край, Урал, Горьковский край [ГА РФ, ф. 5451, оп. 17, д. 234, л. 15–16]. Основными причинами нарушений сроков выплат заработка являлись нехватка денежных знаков в местных филиалах Госбанка, недостатки советской кредитной системы той поры, перерасход фондов заработной платы, несвоевременность взаиморасчетов между заказчиками и поставщиками, скопление на складах большого количества нереализованной продукции.

Но даже если зарплату платили вовремя, рабочие получали на руки не всю причитающуюся им сумму, а лишь часть ее после производства бухгалтерией всех централизованных вычетов, которые на рубеже 1920–1930-х гг. зачастую составляли существенную долю заработка. В «Докладной записке ИНФО ОГПУ по вопросам зарплат на госпредприятиях за январь–август 1930 г.» отмечалось, что «несмотря на ряд решений партии и профсоюзных организаций об ограничении вычетов», на многих предприятиях продолжают производить «несоразмерно высокие» удержания из заработка, в ряде случаев превышающие 50 % причитающихся рабочим сумм [«Совершенно секретно», т. 8, ч. 1, с. 495–496]. Кроме государственных займов и налогов, в административном порядке через конторы могли производить не один десяток различных единовременных вычетов: «на плодоовощи, пригородные хозяйства, за дрова, в кассу взаимопомощи, за газеты, в сберкассу, за квартиру, за обеды, на культурно-бытовую кооперацию, в Осоавиахим, на коллективное страхование, единовременное отчисление Красной армии, подшефному селу», «за противогаз», «на постройку дирижабля», «в пользу пионерлагерей» и др. [ГА РФ, ф. 5451, оп. 16, д. 439, л. 14–16]. В ряде случаев органы ОГПУ с тревогой указывали на «забастовочные настроения» в рабочей среде, формировавшиеся из-за большого количества так называемых «добровольных» вычетов, на которые рабочие не давали своего согласия.

Для исправления сложившейся ситуации 3 июня 1931 г. Президиум ВЦСПС принял решение о запрете централизованных удержаний из заработной платы за исключением трех видов платежей: государственных займы, общегосударственные налоги и выплаты по исполнительным листам судебных органов [ГА РФ, ф. 5451, оп. 16, д. 411, л. 78]. Однако многие предприятия и тресты попросту игнорировали эту инициативу профсоюзов. Поэтому в первой половине 1930-х гг. специальные комиссии, созданные ВЦСПС и ЦК отраслевых профсоюзов, проводили масштабные проверки на большом количестве предприятий в различных регионах страны с целью выявления и ликвида-

ции наиболее серьезных нарушений при осуществлении удержаний из зарплаты рабочих.

Проверки, проведенные в феврале–апреле 1932 г. показали, что доля централизованных вычетов различалась в зависимости от размера заработка. Так, на 2-й ситценабивной фабрике (Московская обл.) удержания из фактического заработка рабочих составляли в среднем по предприятию 12–13,7 %, тогда как аналогичный показатель для служащих в разные месяцы колебался в пределах 16,2–24 %, а для инженерно-технических работников (ИТР) от 29,7 до 30,8 % [ГА РФ, ф. 5451, оп. 16, д. 439, л. 16–17]. Такая же закономерность наблюдалась для различных групп рабочих. Например, на Родниковской хлопчатобумажной фабрике (Ивановская обл.) в проборном цехе, где не требовался высокий уровень квалификации рабочих, и, соответственно, заработки отставали от других отделов, доля централизованных вычетов колебалась в пределах 6,8–9,4 % от причитающейся суммы. В строительном и механическом цехах, где характер работ требовал более высокого уровня квалификации, и где размер зарплаты был выше, доля вычетов достигала соответственно 27,6 % и 23 % [ГА РФ, ф. 5451, оп. 16, д. 439, л. 19]. Для отдельных же рабочих фиксировались случаи, когда на руки они получали менее половины заработанного.

Поскольку ситуация с вычетами вызывала большое количество жалоб со стороны рабочих и негативно сказывалась на ходе производства, это стало вызывать беспокойство не только в профсоюзной среде, но и в наркоматах. Заместитель наркома тяжелой промышленности СССР Г. Л. Пятаков в докладной записке в Секретариат ЦИК СССР на имя А. С. Енукидзе сообщил: «Значительное количество разнородных подписок приводит к тому, что размер выдаваемого на руки заработка чрезвычайно сокращается. Это обстоятельство отрицательно влияет на производительность труда». В связи с этим 9 июня 1932 г. был издан приказ по предприятиям, находящимся в ведении НКТП, «прекратить удержания с выплачиваемой зарплаты за исключением установленных законом». Несмотря на это, «правительства союзных республик, а также некоторые облисполкомы устанавливают обязательные удержания предприятиями отдельных видов добровольных взносов» (подчеркнуто автором статьи. – *И. Ш.*) [ГА РФ, ф. 5451, оп. 16, д. 439, л. 30]. Сама по себе формулировка уже является красноречивым свидетельством того, что при производстве так называемых «добровольных» отчислений использовались принудительные меры. Подобные действия, идущие вразрез с изданными постановлениями и указами, зачастую подкреплялись оформлением решений общих собраний рабочих отдельных предприятий, хотя иногда на них присутствовало лишь 25–30 % общего числа работников [ГА РФ, ф. 5451, оп. 16, д. 440, л. 41].

Еще одним видом вычетов из заработка были штрафы, практика взимания которых на многих предприятиях являлась прямым нарушением КЗоТа. Для примера возьмем Ивановские фабрики, где довольно часто, по свидетельству профсоюзных деятелей, штрафы налагались «под видом материальной ответственности за ущерб». В докладной записке на имя Секретаря ВЦСПС Вейнберга от 10 июня 1937 г. приводится большое количество примеров незаконного наложения штрафов. Так, на Гусевской фабрике «Красный Профинтерн» помощника мастера Сысоева оштрафовали на 25 руб. за то, что он не предъявил пропуск охране фабрики. На «Красноволжской мануфактуре» (Кинешма) рабочий Петров был оштрафован на 3 руб. за сон на рабочем месте; съемщица Худякова потеряла кисточку пряжи стоимостью 75 коп., за что из ее зарплаты вычли 5 руб. На фабрике им. Красина в Вичугском районе помощника мастера Скобина оштрафовали на 5 руб. за отказ от сверхурочных работ. Кроме того, широкое распространение получила практика наложения штрафов за оскорбление мастера, за преждевременный уход с рабочего места, за халатное отношение к работе и т. п. Рабочие жаловались, что штрафы взимаются без предупреждения, а нередко и вообще без объяснения причин [ГА РФ, ф. 5451, оп. 21, д. 118, л. 25–26].

Помимо прочих негативных последствий, многочисленные вычеты вызывали путаницу при расчете заработка, что приводило к обсчетам рабочих, также ставших распространенной практикой в конце 1920-х – 1930-е гг. Председатель Нижне-Волжского краевого Совета профсоюзов Березин в докладной записке от 16 августа 1932 г., направленной в секретариат ВЦСПС и содержащей информацию о проведенном обследовании фабрик на предмет наличия нарушений в вопросе выдачи заработной платы, подчеркивал: «...такое положение, когда в административном порядке производятся всевозможные вычеты вплоть до вкладов в сберкассу, всяких добровольных сборов и проч., приводит к тому, что счетный аппарат очень часто обсчитывает рабочих. У нас на этот счет был ряд жалоб, и каждый раз при проверке устанавливалось, что в отношении рабочего поступают явно незаконно» [ГА РФ, ф. 5451, оп. 16, д. 432, л. 13].

На Ижевских заводах за март–май 1930 г. проверка выявила 1 272 случая обчетов на сумму 1 670 руб. [«Совершенно секретно», т. 8, ч. 1, с. 495]. 12 и 17 августа 1933 г. в газете «Труд» были опубликованы статьи об обчетах рабочих доменного цеха Магнитки. По результатам проверки за июнь 1933 г. из-за «невнимательности табельщиков и расчетчиков» были обсчитаны 22 человека каждый на сумму от 40 до 238 руб. Среди пострадавших были и «лучшие горняки» [ГА РФ, ф. 7680, оп. 1, д. 654, л. 86]. На той же Магнитке провер-

ка, проведенная в 1935 г. выявила, что в доменном цеху за два месяца от обчетов пострадали 2 092 рабочих. На шахте «Юнком» (Артемуголь) 25-ти рабочим не было выплачено по прогрессивке 1 284 руб. На Колпинском химкомбинате из 125 рабочих за три месяца обчислили 76 чел. на сумму 3 500 руб. [ГА РФ, ф. 5451, оп. 19, д. 206, л. 38]. На Сталинградском тракторном заводе в разных цехах было обчислено большое количество рабочих на суммы, превышавшие 100 руб. [Там же, л. 19]. Газета «Кулебакский металлист» 16 сентября 1937 г. сообщала о массовых обчетах на Кулебакском металлургическом заводе, причем наибольшее возмущение автора статьи вызвал тот факт, что эта проблема затронула большое количество стахановцев, многие из которых оказались обчисленными на 100–200 руб. Аналогичная картина фиксировалась на сотнях предприятий по всей стране [ГА РФ, ф. 5451, оп. 19, д. 206, л. 18–35, 56, 60–61, 66, 161].

Выясняя причины обчетов, органы ОГПУ и профсоюзы в первую очередь обращали внимание на следующие обстоятельства:

1) «запутанность» самой системы начисления заработка различным группам рабочих, в особенности в части доплат и премий;

2) небрежное оформление техническим персоналом, служащими «первичных документов» (табелей, нарядов и пр.), на основе которых рассчитывается заработок, а также многочисленные случаи утери этих документов до момента начисления заработка; многочисленные ошибки при учете индивидуальной выработки рабочих, запись выработки на других рабочих и т. п.;

3) безответственное отношение начальников цехов, мастеров, которые подписывали документы по зарплате, «не вникая в их содержание»;

4) незнание должностными лицами, ответственными за начисление зарплаты, «элементарных норм трудового законодательства»: правил оплаты сверхурочных и ночных работ, простоев, а также законодательно установленных льгот при отчислении подоходного налога и прочих вычетов;

5) низкий уровень квалификации и высокая текучесть кадров среди работников, ответственных за начисление заработка (нарядчиков, отметчиков, учетчиков, бухгалтеров), а перевод этих работников на сдельную систему оплаты привел к тому, что, стремясь обработать как можно большее количество документов, они допускали большое количество ошибок, включая и чисто арифметические [ГА РФ, ф. 5451, оп. 19, д. 206, л. 7].

Наиболее распространенным механизмом борьбы с обсчетами стала организация по инициативе профсоюзов специальных бригад, занимавшихся проверкой всей документации по расчету заработка. В состав таких бригад обычно входили бухгалтера, представители

профсоюзов и рабочие-активисты. При выявлении нарушений профсоюзы настаивали на том, чтобы «хозяйственные организации» выплачивали все деньги, которые полагались рабочим. В случае отказа хозяйственников сделать это, профсоюз обращался в прокуратуру с детальным описанием зафиксированных нарушений и требованием принять к нарушителям самые жесткие меры.

Хроническая задолженность по заработной плате и уменьшение получаемых сумм в результате вычетов и обчетов приводили к серьезному ухудшению материального положения рабочих семей, особенно в условиях продовольственного дефицита и введения карточной системы. Значительную часть продуктов рабочие семьи вынуждены были покупать на рынке по высоким ценам, тратя на это порядка 60 % своего заработка [Осокина, с. 167]. Безденежье заставляло рабочих искать иные источники дохода, приводило к падению уровня дисциплины, массовым невыходам на работу и уходам со строек и предприятий, снижению доли участников соцсоревнования, и в результате – к снижению производительности труда и невыполнению предприятиями плановых показателей [ГА РФ, ф. 5451, оп. 19, д. 206, л. 53, 69; оп.18, д. 171, л. 47]. Наиболее острой формой протеста в 1928–1930 гг. являлись забастовки. Согласно информационным сводкам ОГПУ, в начале первой пятилетки забастовки из-за задержек зарплат, вычетов и обчетов фиксировались в крупных городах (Москва, Ленинград, Сталинград и др.), а также на Урале, в промышленных центрах Украинской ССР и в Северо-Кавказском крае [«Совершенно секретно», т. 7, с. 37, 143, 282, 573; т. 8, ч. 1, с. 514, 572, 629]. Как правило, перерастание недовольства рабочих в открытый конфликт приводило к тому, что хозяйственные, партийные и профсоюзные органы бросали все силы и изыскивали все возможные средства для скорейшего решения проблемы и возобновления хода работ на предприятии.

В целях более эффективной борьбы с нарушениями в сфере оплаты труда профсоюзы обращались в органы прокуратуры с требованием привлечь директоров, их заместителей, бухгалтеров «проблемных предприятий» к судебной ответственности. И с начала 1930-х гг. повсеместно проходили судебные процессы, заканчивавшиеся обвинительными приговорами и осуждением хозяйственников, допустивших нарушение сроков расчета с рабочими, обчеты и незаконные вычеты к различным срокам лишения свободы и принудительных работ [ГА РФ, ф. 5451, оп. 17, д. 234, л. 9, 16, 64, 116, 117; оп. 17, д. 235, л. 35]. Кроме того, можно заметить, что во второй половине 1930-х гг. в объяснении причин нарушений в сфере

заработной платы акценты явно сместились: подобные явления все чаще стали трактовать как результат «подрывной работы в области зарплаты», проводившейся «вредителями и врагами народа» [ГА РФ, ф. 5451, оп. 21, д. 118, л. 10].

В целом, благодаря усилиям, предпринятым профсоюзными, хозяйственными, финансовыми органами проблемы задолженности, многочисленных вычетов и обчетов удалось если не решить полностью, то заметно смягчить, и во второй половине 1930-х гг. подобные факты фиксировались значительно реже. Однако эти негативные явления на протяжении первых пятилеток снижали эффективность тарифной политики, нацеленной на превращение заработной платы в действенный стимул к качественному и высокопроизводительному труду промышленных рабочих.

ГА РФ. Ф. 5451 (Всесоюзный центральный совет профессиональных союзов); Ф. 7680 (Центральные комитеты профессиональных союзов рабочих горнодобывающей и металлургической промышленности).

Журавлев С. В., Мухин М. Ю. «Крепость социализма»: Повседневность и мотивация труда на советском предприятии, 1928–1938 гг. М., 2004.

Ильяхов А. А. Как платили большевики: Политика советской власти в сфере оплаты труда в 1917–1941 гг. М., 2010.

Маркевич А. М., Соколов А. К. «Магнитка близ Садового кольца»: Стимулы к работе на Московском заводе «Серп и молот», 1883–2000 гг. М., 2005.

Осокина Е. А. За фасадом «сталинского изобилия»: Распределение и рынок в снабжении населения в годы индустриализации. 1927–1941. М., 2008.

Постников С. П., Фельдман М. А. Социокультурный облик промышленных рабочих России в 1900–1941 гг. М., 2009.

«Совершенно секретно»: Лубянка–Сталину о положении в стране (1922–1934 гг.). Т. 7. М., 2004; Т. 8. Ч. 1. М., 2008.